СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

О методѣ и задачахъ исторіи литературы какъ науки . . . . А. Н. Веселовскаго.

Новѣйшія направленія въ европейскомъ искусствѣ . . . . А. П.

Извѣстія о дѣятельности русскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій.

Критическія и библіографическія замѣтки:

Западнорусскія археографическія изданія послѣдняго времени (I) . . . . М. О. Кояловича.

Англійская индуктивная логика (Logic by Alexander *Bain*) . . . . М. И. Владиславлева.

Гимназія и приготовительная школа въ Германіи (I) . . . . Г. Гулевича.

Филологическая семинарія и занятія латинскою эпиграфикой проф. Ричля . . . . . . И. В. Помяловскаго.

Инструкція для начальныхъ народныхъ училищъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи.

Наша учебная литература:

Учебникъ географіи Россійской имперіи. Сост. П. Бѣлоха. 8-е изд. С.-Пб. 1870 . . . . Н. Н. Пьянкова.

Современная лѣтопись. (См. на 3-й стр. обёртки).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Западнорусскія археографическія изданія послѣдняго времени.

I.

Не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, затрудняющія правильное развитіе русской жизни въ западной Россіи, русская наука съ твердою настойчивостію продолжаетъ тамъ прокладывать пути къ правильному пониманію мѣстныхъ вопросовъ. Съ конца прошедшаго года до настоящаго времени въ Кіевѣ и въ Вильнѣ издано *одиннадцать* томовъ археографическаго содержанія, именно: два тома „Архива Кіевской археографической коммиссіи", одинъ томъ „Актовъ Виленской археографической коммиссіи", четыре тома „Археографическаго сборника", издаваемаго при Виленскомъ учебномъ округѣ, „Книга Кагала", изданная г. Брафманомъ на средства того же округа, „Археографическій календарь", изданный г. Горбачевскимъ на средства Виленскаго же учебнаго округа, и два тома „Описанія дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства", изданные г. Энгелемъ. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія о каждомъ изъ этихъ изданій.

Кіевская археографическая коммиссія, издававшая сначала, подобно другимъ коммиссіямъ, акты, случайно оказывавшіеся у нея подъ руками, съ 1859 года измѣнила такой способъ изданія актовъ и приняла своеобразный планъ, на который мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе нашихъ ученыхъ, какъ на образцовый, по нашему мнѣнію, для всѣхъ изданій провинціальныхъ актовъ. Планъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Ознакомившись съ своимъ архивомъ и опредѣливъ, какія главныя стороны западнорусской жизни онъ уясняетъ, Кіевская археографическая коммиссія изучаетъ опредѣленный родъ этихъ актовъ, при чемъ извлекаются всѣ имѣющіяся въ актахъ данныя для объясненія раскрываемой въ нихъ одной какой-либо сто-

роны западнорусской жизни; на основаніи ихъ составляется изслѣдованіе, и къ нему прилагаются главнѣйшіе акты во всей цѣлости, а на другіе дѣлаются ссылки. Этотъ планъ представляетъ, вопервыхъ, ту выгоду, что ученые имѣютъ возможность судить о всей совокупности актовъ извѣстнаго отдѣла и въ случаѣ надобности могутъ легко пойдти по пути издателей въ самый архивъ; вовторыхъ, руководящія изслѣдованія могутъ служить прекраснымъ пособіемъ для новыхъ тружениковъ науки и легко знакомить съ важнѣйшими западнорусскими вопросами вообще образованныхъ людей. Пригодность этого плана для изданій провинціальныхъ актовъ, кажется, еще болѣе уяснится, если мы припомнимъ читателямъ, что въ каждомъ изъ трехъ западнорусскихъ центральныхъ архивовъ Кіевскомъ, Виленскомъ и Витебскомъ (не початомъ), находятся цѣлые милліоны актовъ, всецѣлое изданіе которыхъ невозможно даже для значительно отдаленнаго будущаго, какъ по денежнымъ затрудненіямъ, такъ и потому, что это акты почти исключительно мѣстнаго значенія. Соображенія эти имѣютъ, по нашему мнѣнію, силу и для другихъ мѣстностей, особенно по отношенію къ юридическимъ и административнымъ актамъ позднѣйшаго времени. Держась этого плана, Кіевская археографическая коммиссія издала три тома актовъ съ замѣчательными изслѣдованіями гг. Иванишева и Лебединцева о церковныхъ дѣлахъ; одинъ томъ актовъ о соединеніи Литвы съ Польшей съ изслѣдованіемъ предсѣдателя коммиссіи М. В. Юзефовича, которое въ свое время надѣлало много шуму въ польской средѣ и значительно подвинуло въ нашемъ обществѣ правильное пониманіе русско-польскаго вопроса; два тома актовъ о казакахъ съ изслѣдованіями г. Антоновича; одинъ томъ актовъ о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ югозападной Россіи съ предисловіемъ М. В. Юзефовича.

По такому же плану изданы и два послѣдніе тома этой коммиссіи, на которые мы желаемъ обратить вниманіе читателей.

Одинъ томъ (1-й томъ 5-й части) это—акты о городахъ съ изслѣдованіемъ г. Антоновича. Въ этомъ томѣ и актами, и обширнымъ изслѣдованіемъ г. Антоновича рѣшаются съ поразительною убѣдительностію всѣ важнѣйшіе вопросы изъ внутренней исторіи городовъ, которую почтенный авторъ изслѣдованія съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла и искусствомъ связалъ съ вопросами о сословіяхъ и о поземельномъ владѣніи въ югозападной Россіи. Начавъ свое изслѣдованіе съ древнихъ временъ, авторъ, на основаніи данныхъ, сохранившихся въ позднѣйшей жизни югозападныхъ городовъ, доказываетъ, что города

въ этой странѣ, какъ и всѣ города въ древней Руси, были центрами вѣчевой и общинной жизни, къ которымъ тянуло окружное народонаселеніе часто на очень значительномъ пространствѣ. Горожане и окрестное населеніе объединялись общностію интересовъ своей мѣстности и особенно необходимостію защиты своей мѣстности и государства вообще, для чего они должны были поддерживать свою крѣпость и выставлять опредѣленное количество воиновъ въ военное время. Это-то военное дѣло и повело къ разложенію вѣчеваго и общиннаго устройства городовъ. Г. Антоновичъ, объясняя этотъ переворотъ въ жизни южнорусскихъ городовъ, раскрываетъ намъ феодальныя понятія литовскихъ князей и ихъ усилія направить всѣ силы государства къ военнымъ цѣлямъ. Поэтому они стали мало по малу выдвигать чисто служилое сословіе и раздавать ему земли въ районѣ городскихъ владѣній. Эти люди болѣе и болѣе отдѣлялись отъ горожанъ, которые, въ свою очередь, болѣе и болѣе устранялись отъ личной военной повинности и облагались денежною податью. При этомъ авторъ, на основаніи актовъ, входитъ въ подробное изслѣдованіе перехода горожанъ отъ личной военной повинности къ денежной и излагаетъ роды послѣдней. Съ другой стороны, литовскіе князья назначали отъ себя для управленія городомъ или городами и его областію своихъ чиновниковъ—воеводъ, намѣстниковъ, старостъ, войтовъ, которые налагали свою власть на администрацію и даже судъ горожанъ. Разъединеніе силъ городскаго района и раздоры между ними, а также между горожанами и правителями, были естественными послѣдствіями этого и завершались быстрымъ упадкомъ значенія и благосостоянія городовъ. „Общины", говоритъ г. Антоновичъ, „уступаютъ шагъ за шагомъ передъ натискомъ землянъ (военныхъ людей, владѣвшихъ землей) и ограничиваются въ борьбѣ безплодными протестами и жалобами, ссылками на обычаи «якъ здавна бывало» и усиліями успокоиться на томъ, что послѣ каждой уступки имъ остаются еще клочки прежняго порядка, на которыхъ они пытаются устоять" (стр. 25). Финансовыя потребности государства заставляли правительство заботиться объ улучшеніи положенія городовъ, но его усилія, по мнѣнію автора, не достигали цѣли, и города болѣе и болѣе падали. Такъ, правительство старалось поднять города развитіемъ въ нихъ самоуправленія посредствомъ Магдебургскаго права; но это право постоянно старались подорвать старосты; съ другой стороны, скрывавшіеся въ Магдебургскомъ правѣ аристократическіе элементы были до такой степени противны духу русскаго общиннаго

самоуправленія, что горожане весьма часто сами нарушали его, и не ограничиваясь малымъ числомъ правящихъ членовъ, составляли сходки по старымъ русскимъ обычаямъ. Далѣе, для поддержанія ремеслъ правительство поощряло образованіе цеховыхъ братствъ, но и эта мѣра не вела къ добру: цехи останавливали развитіе ремеслъ.

Рядомъ съ государственными городами существовали города частныхъ лицъ—пановъ. Подражая правительству, паны также надѣляли города Магдебургскимъ правомъ и цеховымъ устройствомъ, но само собою разумѣется, что эти улучшенія были еще менѣе удачными, потому что панская воля царила надъ всѣмъ, и эти лишь по виду самостоятельные города были заразительнымъ примѣромъ для старостъ государственныхъ городовъ. Съ упадкомъ городовъ параллельно развивалось ихъ закрѣпощеніе въ пользу старостъ. Наконецъ, разселеніе по городамъ Евреевъ довершило паденіе городовъ. Горожане вытѣснены на окраины городовъ, убита ихъ ремесленность, они остаются при мелкомъ земледѣліи, городъ получаетъ значеніе только рынка для окрестныхъ деревень. Всѣ эти выводы г. Антоновича подтверждаются ссылками на акты, изъ которыхъ главнѣйшіе приложены къ его изслѣдованію, и другими историческими свидѣтельствами.

Почти всѣ выводы почтеннаго автора изслѣдованія о югозападныхъ городахъ, по нашему мнѣнію, неоспоримы и составляютъ дорогое пріобрѣтеніе для науки. Мы сдѣлаемъ противъ нихъ только одно замѣчаніе. Намъ кажется, что матеріалъ, которымъ располагалъ авторъ, далъ ему нѣсколько преувеличенное понятіе объ упадкѣ городовъ подъ литовскимъ и польскимъ вліяніемъ. Южнорусскіе города еще до власти литовской и польской были жестоко разорены и большею частью разрушены Татарами, а во времена литовской и польской власти, силы ихъ ослабѣвали, между прочимъ, отъ того, что изъ городовъ, какъ и изъ деревень, выходило много народу въ казачество. Казачество сдѣлалось для югозападной Россіи могущественнѣйшимъ выраженіемъ ея жизни и заслоняло и отклоняло отъ дальнѣйшаго развитія другія стороны ея. Это мы яснѣе всего видимъ въ исторіи западнорусскихъ братствъ. Чѣмъ ближе они были къ казачеству, тѣмъ были слабѣе, и наоборотъ. Поэтому въ той же югозападной Россіи, въ мѣстностяхъ подальше отъ казаковъ, какъ, напримѣръ, въ Луцкѣ и Львовѣ, Магдебургское и цеховое устройство далеко не такъ быстро вело ихъ къ упадку, какъ думаетъ авторъ, и напротивъ того, долгое время облегчало борьбу ихъ съ польскою и латинскою пропагандой. Еще яснѣе это видно въ исторіи бѣлорусскихъ

городовъ. Вильна, Минскъ, Полоцкъ, Витебскъ и Могилевъ еще въ XVII столѣтіи обнаруживали столько силы, что приводили въ смущеніе польскую власть, и что̀ особенно замѣчательно, посредствомъ братствъ они связывали съ собою сельскихъ жителей и какъ-бы возстановляли то древнее общинное устройство областей, упадокъ котораго авторъ съ такимъ трудолюбіемъ и умѣніемъ прослѣдилъ по актамъ въ южнорусскихъ городахъ.

Другой томъ актовъ, изданныхъ Кіевскою археографическою коммиссіей въ послѣднее время, касается также очень важнаго предмета, именно, экономическихъ и юридическихъ отношеній крестьянъ юго-западной Руси въ XVIII столѣтіи. Это изданіе составляетъ второй томъ актовъ о крестьянствѣ, предположенныхъ коммиссіей къ изданію, и является прежде перваго, такъ что по актамъ этого второго тома мы можемъ судить лишь о позднѣйшемъ состояніи южнорусскаго крестьянства подъ властію Польши; но пробѣлъ актовъ предшествовавшаго времени восполняется изслѣдованіемъ г. Антоновича. Въ этомъ изслѣдованіи авторъ сначала дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи крѣпостнаго состоянія въ Польшѣ и Литвѣ, а затѣмъ подробно излагаетъ, на основаніи актовъ, данныя для изученія состоянія юго-западнаго крестьянства въ XVIII столѣтіи.

Въ своемъ изслѣдованіи г. Антоновичъ съ самаго начала углубляется въ соціальный бытъ Польши и Литвы и старается опредѣлить, чѣмъ въ этомъ отношеніи Литва отличалась отъ Польши. Авторъ находитъ, что Польша весьма рано усвоила себѣ германскія феодальныя начала, но подъ вліяніемъ началъ славянской общины усвоила ихъ своеобразно, распространила ихъ въ равной степени на благородное шляхетское сословіе, не допуская различныхъ степеней феодаловъ. Но за то она тѣмъ рѣшительнѣе отрѣзала земледѣльческій народъ отъ всякихъ правъ и съ необычайною поспѣшностію превратила его въ массу безправнѣйшихъ рабовъ.

Въ Литвѣ положеніе дѣлъ было другое. Феодальное устройство выражалось въ разнообразнѣйшихъ видахъ привилегированныхъ лицъ— отъ удѣльныхъ князей, владѣвшихъ цѣлыми областями, до служилыхъ бояръ, занимавшихъ небольшіе клочки земли. Эти послѣдніе примыкали нечувствительно къ крестьянамъ, которые также раздѣлялись на нѣсколько видовъ: *слободичей*, занимавшихъ пустыри и освобождавшихся на первое время отъ всякихъ даней; *данниковъ*, людей свободныхъ и жившихъ на собственныхъ земляхъ, только выплачивавшихъ деньги за военную повинность; *отчичей*, людей, прикрѣп-

ленныхъ къ землѣ, но сохранившихъ личную свободу; наконецъ, *челяди*, людей невольныхъ, но собственно говоря, невольныхъ лично или даже на опредѣленное лишь время. Для того, чтобы въ Литву могли войдти польское шляхетское полноправіе и польское крестьянское безправіе, нужно было, чтобъ уничтожились въ Литвѣ разные виды какъ военнаго сословія, такъ и крестьянства. Г. Антоновичъ полагаетъ, что обѣ эти работы сильно были подвинуты впередъ до Люблинской уніи, особенно первая — слитіе въ одно сословіе литовскаго дворянства, и что потому-то Люблинская унія не встрѣчала и не могла встрѣтить сильнаго противодѣйствія, такъ какъ низшее дворянство тянуло къ Польшѣ, дававшей ему равноправность съ высшимъ дворянствомъ. Авторъ не считаетъ нужнымъ подтверждать каждое изъ своихъ положеній историческими свидѣтельствами, которыхъ дѣйствительно приводитъ весьма немного; но почему онъ не приводитъ такихъ свидѣтельствъ, потому ли что при изданіи слѣдующаго тома предполагаетъ написать особое объ этомъ изслѣдованіе, или потому что считаетъ настоящія свои положенія неоспоримыми, намъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, мы не считаемъ себя въ правѣ оставить безъ замѣчаній нѣкоторыя изъ его положеній, потому что они могутъ вести къ ошибочному представленію историческаго развитія западнорусской жизни и страннымъ образомъ совпадаютъ съ воззрѣніями польскихъ писателей. Авторъ утверждаетъ, что Литва на пространствѣ времени отъ соединенія ея съ Польшей (1386 г.) до Люблинскаго сейма (1569 г.) такъ далеко подвинулась на пути ополяченія, что Люблинская унія была ужь естественнымъ явленіемъ; она встрѣчала препятствія только въ аристократахъ Литвы, и то немногихъ, а низшее дворянство тянуло къ Польшѣ, къ правамъ польскаго шляхетства. Что ополяченіе постепенно усиливалось въ Литвѣ, это вѣрно, но что оно шло тѣми именно путями, на какіе указываетъ авторъ, и шло такъ быстро, что Люблинская унія сдѣлалась естественнымъ его послѣдствіемъ, съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Ополяченіе, какъ естественно было ожидать, далеко ушло только въ высшемъ, аристократическомъ кругу Литвы, а не въ низшемъ дворянствѣ ея, которое ничѣмъ не доказало, что дѣйствительно тянетъ къ Польшѣ. Изъ Люблинскихъ дневниковъ мы знаемъ, что Поляки на него разчитывали и хлопотали, чтобъ оно ознакомилось съ благами польскаго шляхетства, но вовсе не видно, чтобъ эти разчеты и хлопоты принесли какой-либо плодъ. Только въ одномъ Подлѣсьи шляхта тянула къ Польшѣ; въ Литвѣ же только шляхта латинской

вѣры заявила свое сочувствіе Полякамъ. Объ остальномъ низшемъ дворянствѣ, въ сравненіи съ которымъ обѣ вышеуказанныя группы составляли ничтожнѣйшее меньшинство, мы ничего не знаемъ; судя по памятникамъ, оно бездѣйствуетъ во время Люблинской уніи. Намъ кажется, что при оцѣнкѣ Люблинской уніи никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду двухъ обстоятельствъ чисто внѣшнихъ, но имѣвшихъ въ этомъ дѣлѣ гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣ слишкомъ двухсотлѣтнія усилія Поляковъ притянуть къ себѣ Литву: это война Іоанна IV съ Литвой и бездѣтность послѣдняго Ягайловича, довершившаго унію Литвы съ Польшей, Сигизмунда-Августа. Эти два обстоятельства перепутали въ Литвѣ всѣ направленія жизни и поставили ее въ безвыходное положеніе, которымъ Поляки и воспользовались на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Этотъ взглядъ подтверждается всею дальнѣйшею исторіей западной Россіи — разъединеніемъ Литвы съ Польшей послѣ смерти Сигизмунда-Августа, какъ это видно изъ прекрасной книги г. Трачевскаго [1]), при Стефанѣ Баторіѣ, какъ это видно изъ лѣтописи осады Пскова, во все время XVII столѣтія, какъ это видно наконецъ изъ многочисленныхъ событій въ кругѣ церковной уніи, и между прочимъ, изъ актовъ дворянскихъ постановленій, изданныхъ Кіевскою же коммиссіей. Словомъ, и здѣсь, какъ въ изслѣдованіи о городахъ, мы видимъ нѣкоторое преувеличеніе г. Антоновича въ развитіи его мысли. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ мы говоримъ это только о первой и небольшой части изслѣдованія автора, той именно части, которая не опирается на документы. Объ остальной же части, то-есть, объ изслѣдованіи крѣпостнаго состоянія въ югозападной Россіи въ XVIII столѣтіи, мы должны сказать, что оно составляетъ замѣчательнѣйшій трудъ и самую свѣжую новость въ ученой разработкѣ этого вопроса. Здѣсь авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ по документамъ за тѣмъ, какъ исторически развивалось закрѣпощеніе русскаго земледѣльца польскимъ паномъ. Въ этой исторіи, исполненной живѣйшаго интереса, поражаютъ два явленія, способныя воодушевить поэта и художника: это неумолимая и неистощимая тактика пановъ поработить русскаго хлопа, и столь же неумолимая и неистощимая изобрѣтательность русскаго хлопа уйдти отъ этой неволи. Эта историческая борьба польскаго деспотизма и русской свободы перепробовала для своихъ дѣйствій всю мѣстность югозападной Руси и породила поразительныя хитрости: она развила, между про-

---

[1]) «Польское безкоролевье».

чимъ, замѣчательные промыслы, напримѣръ, промыселъ выманиванія крестьянъ изъ неволи и промыселъ отыскиванія бѣглыхъ крестьянъ; наконецъ, она представляетъ такія картины закрѣпощенія, послѣ которыхъ невозможно никакое слово въ оправданіе польской системы отношеній къ крестьянамъ.

Матеріаломъ для изображенія исторической борьбы польскаго пана и русскаго хлопа послужили автору главнымъ образомъ многочисленные инвентари панскихъ имѣній, хранящіеся въ Кіевскомъ архивѣ. Сличая эти инвентари, г. Антоновичъ нашелъ возможность опредѣлить minimum и maximum крестьянскихъ повинностей. Minimum крестьянскихъ повинностей, напримѣръ, въ Волынской области въ XVIII столѣтіи составлялъ 231 рабочій день или 77½ злотыхъ, а maximum 321 день стоимостію въ 107 злотыхъ; въ Кіевскомъ Полѣсьи — minimum 162 дня стоимостію въ 54 злотыхъ, maximum 312 дней стоимостію въ 104 злотыхъ; на рубежѣ степной Украины, въ Житомірскомъ повѣтѣ—minimum 82 дня стоимостію въ 28 злотыхъ, maximum 214 дней стоимостію въ 71 злотый. Эти многознаменательныя цифры авторъ опредѣляетъ на основаніи точныхъ частныхъ данныхъ, и что̀ особенно важно, вездѣ старается дать имъ смыслъ. Путемъ сличенія инвентарей онъ опредѣляетъ, гдѣ и въ какое время повинности измѣнялись, и по актамъ же объясняетъ причины этихъ измѣненій. Это-то и составляетъ важнѣйшую, по нашему мнѣнію, часть изслѣдованій автора.

Рѣшительныя попытки закрѣпощенія русскаго крестьянина въ западной Россіи начались со времени Люблинской уніи, которая открыла польскимъ панамъ Литву для разселенія въ ней. „Что побѣги крестьянъ послѣ введенія Люблинской уніи“, говоритъ авторъ, „составляютъ характеристическую черту быта новосозданнаго уніей государства, и что они достигли громадныхъ размѣровъ, ясно свидѣтельствуютъ какъ безчисленныя жалобы дворянъ, составляющія цѣлые томы, хранящіеся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, такъ и польское законодательство времени, послѣдовавшаго за Люблинскою уніей“ (стр. 27). Затѣмъ авторъ перечисляетъ и пересматриваетъ самые законы до знаменитой конституціи 1573 года, отдававшей панамъ не столько тѣло, но и душу крестьянина. Впрочемъ, югозападная Россія въ своемъ казачествѣ и въ своихъ степяхъ заключала великую сдерживающую для пановъ силу. Поэтому, силою казачества и близостію къ нимъ и къ степямъ измѣрялась въ обратномъ отношеніи сила крѣпостнаго состоянія. Чѣмъ сильнѣе было казачество, тѣмъ сдержаннѣе

была панская жажда крестьянской неволи и наоборотъ. „Полное господство шляхты въ югозападномъ краѣ“, говоритъ авторъ, „начинается только съ начала XVIII столѣтія, когда казачество исчезло совершенно въ правобережной Украинѣ, и когда прочныя сношенія съ Россіей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, переполненіе народонаселеніемъ лѣвобережной Украины, если не уничтожали вполнѣ, то ограничивали до извѣстной степени возможность крестьянскихъ побѣговъ“ (стр. 31). Но въ этомъ бѣдствіи помогла крестьянамъ пустыня, доставшаяся Полякамъ на правомъ берегу Днѣпра послѣ подавленія казачества. Вдали отъ этой пустыни, въ западной части Польши можно было обременять крестьянъ чрезмѣрными повинностями,—крестьяне были беззащитны, но по краямъ пустыни, а тѣмъ болѣе въ этой пустынѣ, необходимо было удерживать ихъ на мѣстѣ льготами. Вотъ этимъ-то и объясняется поразительное различіе между повинностями той и другой мѣстности. Но это различіе, вызванное необходимостію, надѣлало панамъ много хлопотъ. Крестьяне изъ бѣдственной мѣстности бѣжали въ болѣе льготную, и такъ какъ это бѣгство было выгодно панамъ тѣхъ мѣстъ, куда бѣжали крестьяне, то они покровительствовали ему. Этимъ-то путемъ и развился промыселъ отыскивать крестьянъ, желающихъ льготной жизни, промыселъ такъ-называемаго *выкочиванія* крестьянъ, противъ чего принимались строгія законодательныя мѣры и общія усилія всѣхъ пановъ мѣстности, откуда бѣжали крестьяне, а это, въ свою очередь, доводило бѣглыхъ крестьянъ до ожесточенія и крайнихъ проявленій его.

Само собою разумѣется, что льготное положеніе крестьянъ на новыхъ, пустынныхъ мѣстахъ прекращалось, когда эти мѣста плотнѣе заселялись. Этимъ-то и объясняется maximum крестьянскихъ повинностей въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ Украины въ разное время, что̀ естественно производило между крестьянами снова волненіе и вызывало въ нихъ попытки отыскивать новыя льготныя мѣста. Противъ этого нѣкоторые паны югозападной Россіи въ концѣ XVIII столѣтія придумали новую мѣру, повидимому, очень либеральную: они продавали крестьянамъ участки земли въ собственность. Сопоставивъ число подобнаго рода актовъ по годамъ и по мѣстностямъ, авторъ пришелъ къ выводу, что самое большое число ихъ падаетъ на время коліевщины (1768 г.) и на время колонизаціи Новороссійскаго края послѣ уничтоженія Запорожской сѣчи (1775 г.), а по мѣстности самое большее число этихъ актовъ было въ Кіевской Украинѣ. Авторъ уяснилъ себѣ также, что самое большее число этихъ актовъ совер-

шено въ коронныхъ имѣніяхъ (староствахъ) и затѣмъ въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Земля продаваемая поступала не въ полную собственность крестьянъ, а становилась вѣчною арендою ихъ на извѣстныхъ условіяхъ ежегодной платы деньгами или натурой, и притомъ въ подобныхъ актахъ часто дѣлалась приписка: „до дальнѣйшаго моего распоряженія". Авторъ при этомъ замѣчаетъ: „Очевидно, что при выдачѣ дарственныхъ записей владѣльцы имѣли заднюю мысль — удержать временно приманкою поземельной собственности крестьянъ въ своихъ имѣніяхъ, переждать критическое въ экономическомъ отношеніи время, и по минованіи его, отобрать назадъ въ силу „дальнѣйшаго распоряженія" документы, выданные крестьянамъ на землю, и уничтожить дарственныя записи, на чтò всякій дарящій имѣлъ, по существовавшему закону, право" (стр. 61—62).

Замѣчательно окончаніе всей этой исторіи закрѣпощенія и этихъ мнимыхъ правъ крестьянъ на землю, какъ на свою собственность. Изложимъ его опять словами автора: „Въ 1792 году южнорусскій край былъ возвращенъ Россіи, и шляхетскій порядокъ долженъ былъ уложиться въ иныя формы юридическаго и общественнаго строя. Въ первое время казалось, что формы эти были не только невраждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній, къ которымъ стремилась шляхта, но напротивъ того, въ значительной степени подготовляли его осуществленіе. Шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ крестьянами, простиравшуюся въ Рѣчи Посполитой до „права меча", но за то экономическое ихъ господство было вполнѣ признано закономъ и могло опереться на сильно организованную администрацію и на прочную власть, которою въ Россіи оберегался законъ, и которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи Посполитой. Хитрость и уловки въ отношеніи къ крестьянамъ сдѣлались лишни; явились средства удержать ихъ отъ побѣговъ, обращаясь къ администраціи, а не къ льготамъ и приманкамъ, какъ было прежде. Потому, послѣ 1792 года значительно ослабѣваетъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ (къ 1796 г.) и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ; напротивъ того, помѣщики отбираютъ прежде данныя или (ими?) дарственныя записи и повсемѣстно отнимаютъ у крестьянъ землю. Въ староствахъ, поступившихъ въ частное владѣніе, гдѣ права крестьянъ утвердились болѣе прочно, владѣльцы прибѣгаютъ нерѣдко къ перегону жителей цѣлыхъ селъ и мѣстечекъ на новыя мѣста жительства, для того, чтобы разорвать ихъ связь съ землей и уничтожить всякое воспоминаніе о правахъ на нее. Казалось, что шляхта достигла, наконецъ, давно желаннаго

полнаго экономическаго господства надъ крестьянами, и что опираясь на покровительство, оказанное ей русскимъ правительствомъ, она, наконецъ, сломила долго сопротивлявшійся народъ и дождалась полнаго торжества. На дѣлѣ, однако, торжество это было только временнымъ миражемъ"... (стр. 62—63).

Въ заключеніе этого краткаго обзора изданій Кіевской археографической коммиссіи считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на слѣдующее. Читатели, безъ сомнѣнія, ясно видятъ, какъ Кіевская археографическая коммиссія шагъ за шагомъ, далѣе и далѣе углубляется въ западнорусскую историческую жизнь и постепенно доходитъ до рѣшенія существеннѣйшихъ ея вопросовъ. Не всѣмъ, можетъ-быть, извѣстно, что эта коммиссія располагаетъ весьма небольшими средствами и состоитъ собственно изъ одного лица — М. В. Юзефовича, который уже самъ отыскиваетъ людей и поручаетъ имъ то или другое дѣло. Замѣчательный успѣхъ дѣйствій устроенной такимъ, повидимому, страннымъ образомъ Кіевской коммиссіи, очевидно, зависитъ прежде всего отъ высокаго уровня знанія и патріотическаго усердія почтеннаго ея предсѣдателя; но нельзя при этомъ не обратить вниманія и на нравственныя силы, которыя коммиссія можетъ находить въ Кіевѣ, гдѣ ихъ доставляютъ ей и университетъ, и духовная академія. Достоинствомъ своихъ изданій Кіевская коммиссія въ равной мѣрѣ обязана этимъ двумъ заведеніямъ. Они не только даютъ ей даровитыхъ временныхъ членовъ, но и предносятъ предъ нею знанія высшей науки, что̀ и отражается въ каждомъ трудѣ коммиссіи. Такъ ли дѣла идутъ при другомъ центральномъ западнорусскомъ архивѣ въ Вильнѣ, въ которой, какъ извѣстно, нѣтъ ни университета, ни духовной академіи, и что̀ даютъ намъ появившіяся тамъ археографическія изданія, это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

М. Кояловичъ.

АНГЛІЙСКАЯ ИНДУКТИВНАЯ ЛОГИКА.

Logic. By *Alexander Bain*, professor of Logic in the university of Aberdeen. P. I. Deduction P. II. Induction. (*Логика.* Сочиненіе *Александра Бэна*, профессора логики въ Эбердинскомъ университетѣ. Чч. I-я II-я). London, 1870.

Бэнъ принадлежитъ къ числу самыхъ талантливыхъ представителей современной англійской философской школы. Сочиненія его

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАБРЬ

1870.

(ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

ЧАСТЬ CLII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина

Владимірская, домъ № 15.

1870.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Замѣчаніе о нашихъ былинахъ . . . . М. П. Погодина.

Комическая опера Екатерины II: „Горе-Богатырь“. . . . . А. Г. Брикнера.

Оношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 годъ. (Окончаніе) . . . . А. Н. Попова.

Реликвіи Іосафата Кунцевича. . . . . Лѣкаря И. Сикорскаго.

Извѣстія о дѣятельности русскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій.

Критическія и библіографическія замѣтки:

Западнорусскія археографическія изданія послѣдняго времени. (Окончаніе). . . . . М. О. Кояловича.

Prooemium, quo scholas suas, de Historia Litterarum Romanarum in Caesarea Litterarum Universitate Charcoviensi habendas, aperuit *A. L. Döllen*. Charcoviae. Typis Universitatis Caesareae Charcoviensis. MDCCCLXIX . . . . И. Цвѣтаева.

Гимназіи и приготовительная школа въ Германіи. (Окончаніе). . . . . Г. Гулевича.

О такъ-называемыхъ историческихъ семинаріяхъ при университетахъ Германіи . . . А. Г. Брикнера.

Лицей Цесаревича Николая. . . . . Z.

Наша учебная литература.
Современная лѣтопись. } (См. на 3-й стр. обёртки).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Западно-русскія археографическія изданія [1]).

II.

Нынѣшній предсѣдатель Виленской археографической коммиссіи, достоуважаемый Я. Ѳ. Головацкій, унаслѣдовалъ отъ прежнихъ предсѣдателей и планъ изданій, и даже особенныя, крайне стѣснительныя условія занятій при чтеніи и списываніи актовъ, огражденныя закономъ [2]). Измѣнить, что̀ оказывалось нужнымъ для успѣха дѣйствій коммиссіи, было на первыхъ порахъ крайне трудно [3]); поэтому неудивительно, что въ настоящемъ новомъ изданіи Виленской археографической коммиссіи, именно, въ 3-мъ томѣ актовъ ея, мы видимъ продолженіе небогатыхъ по содержанію прежнихъ томовъ этого сборника.

Третій томъ актовъ Виленской археографической коммиссіи содержитъ въ себѣ акты Брестскаго градскаго суда съ 1401 по 1699 годъ. Главные мѣстные вопросы, волновавшіе населеніе Брестской области, это — поземельные раздоры съ сосѣдями-Поляками, внутренняя борьба земства съ государственными чиновниками, борьба съ иноземцами, наплывавшими въ нее главнымъ образомъ изъ Германіи, съ Нѣмцами и Жидами, и наконецъ, религіозная борьба. Актовъ первыхъ трехъ родовъ въ настоящемъ томѣ находится небольшая группа. Немного въ немъ также актовъ общегосударственнаго зна-

---

[1]) *Окончаніе*. Первая статья была помѣщена въ ноябрской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

[2]) По закону членамъ коммиссіи нельзя ни входить въ архивъ, ни брать рукописи на свою отвѣтственность изъ канцеляріи архива.

[3]) Въ предисловіи къ третьему тому актовъ Виленской коммиссіи разказана весьма прискорбная исторія этой коммиссіи, подвергавшейся слишкомъ частымъ перемѣнамъ предсѣдателей и другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ.

ченія; такъ какъ они составляютъ только небольшую часть цѣлаго разряда гражданскихъ актовъ, который найдетъ себѣ мѣсто въ слѣдующемъ томѣ изданія Виленской коммиссіи, гдѣ будетъ помѣщено и обозрѣніе ихъ, то и мы отлагаемъ сужденіе о нихъ. Главное содержаніе настоящаго тома — это акты религіозные. Они большею частію позднѣйшаго времени, такъ какъ акты Брестскаго градскаго суда за самый важный — по справедливому замѣчанію предсѣдателя Виленской коммиссіи — періодъ съ 1585 до 1624 года утрачены. Оставшіеся акты этого суда, часть которыхъ теперь издана, очерчиваютъ однако довольно ясно нѣкоторыя любопытныя явленія религіозной жизни того времени. Изъ нихъ, между прочимъ, видно, съ какою заботливостію польскіе паны строили уніатскія церкви, чтобы привлечь въ унію православный народъ, и какъ спокойно они заставляли этотъ народъ ходить въ уніатскія церкви, подвергая нарушителей ихъ воли денежному штрафу и предавая православныя церкви въ руки Жидовъ. Но какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Брестской области, забота объ уніи была у пановъ лишь въ первое время; въ послѣдствіи сама унія становилась орудіемъ панскихъ прихотей, даже грубаго своекорыстія. Панское патронатство ложилось тяжкимъ бременемъ на уніатскія церкви. Паны не затруднялись вводить въ эти церкви латинскіе порядки и отнимать отъ нихъ земли.

Виленская археографическая коммиссія видѣла, что исторія Брестской области даже по религіозному вопросу гораздо богаче, чѣмъ тѣ данныя, которыя находятся въ Брестскихъ градскихъ книгахъ, — не говоримъ ужь о фактахъ изъ гражданской жизни. Чтобы вознаградить скудость изданныхъ актовъ, почтенный предсѣдатель Виленской археографической коммиссіи Я. Ѳ. Головацкій предпослалъ этимъ актамъ историческій очеркъ Брестской области съ древнѣйшихъ временъ. Этотъ очеркъ сразу даетъ замѣтить, какъ богаты русскія извѣстія о Брестской области за время до татарскаго ига, и какъ они скудны за позднѣйшія времена, хотя извѣстно, что Брестъ, или правильнѣе Берестье, не терялъ своего значенія и въ эти времена. Это привело автора къ выводу, что русскіе памятники и русскія свидѣтельства за эти позднѣйшія времена истреблены Поляками. Доказательства на лицо: въ актахъ Брестскаго градскаго суда подозрительный недочетъ самыхъ важныхъ актовъ почти за полстолѣтіе. Кромѣ того извѣстно, что въ Брестѣ собирались многіе литовскіе сеймы по вопросу о гражданской уніи Литвы съ Польшей и многіе соборы по дѣламъ церковной уніи. Немногіе акты этого рода сохра-

нились въ православныхъ сочиненіяхъ того времени, какъ, напримѣръ, въ Эктезисѣ и Апокрисисѣ, или въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ, или наконецъ, въ юридическихъ сборникахъ литовскихъ; но многимъ изъ этихъ актовъ подобало быть въ книгахъ Брестскаго градскаго суда. Очень понятно поэтому глубокое сожалѣніе почтеннаго предсѣдателя Виленской археографической коммиссіи объ этихъ потеряхъ, а также о томъ, что Виленская археографическая коммиссія принуждена въ своихъ трудахъ ограничиваться однимъ Виленскимъ центральнымъ архивомъ и изъ другихъ мѣстъ ни откуда не получаетъ актовъ. Не можемъ однако не высказать нашего разногласія съ почтеннымъ предсѣдателемъ Виленской археографической коммиссіи по нѣкоторымъ мыслямъ его.

1) Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ г. Головацкаго, которое, впрочемъ, не высказано ясно, будто содержаніе Виленскаго центральнаго архива не достаточно для Виленской коммиссіи. Мы думаемъ, что Виленская коммиссія, не имѣющая права входить въ этотъ архивъ, не можетъ пока судить основательно о его богатствѣ или скудости, и совершенно увѣрены, что она найдетъ его богатѣйшимъ, если получитъ вышесказанное право, и кромѣ того, если завѣдываніе архивомъ перейдетъ къ предсѣдателю Виленской коммиссіи, о чемъ, какъ намъ извѣстно, уже возбужденъ вопросъ, и чего нельзя не пожелать не только для Виленской, но и для Кіевской коммиссій такъ какъ административное значеніе западно-русскихъ центральныхъ архивовъ совершенно падаетъ, а научное ихъ значеніе годъ отъ году возрастаетъ, какъ это очевидно, между прочимъ, изъ трудовъ Кіевской коммиссіи. Можно сейчасъ же указать нѣсколько вопросовъ, которые настойчиво ждутъ рѣшенія, и которые въ значительной степени, если не вполнѣ, получатъ его въ Виленскомъ центральномъ архивѣ, а также въ Витебскомъ, не тронутомъ до сихъ поръ и ожидающемъ или присоединенія его къ Виленскому, или особой Витебской коммиссіи. Кромѣ указаннаго уже нами въ предыдущей статьѣ вопроса о городахъ, ждутъ правильнаго разрѣшенія вопросы дворянскій, крестьянскій, еврейскій, вопросы о братствахъ, о вліяніи войны Алексѣя Михайловича и т. п. Мы питаемъ надежду, что сама Виленская коммиссія въ ближайшее время представитъ намъ блистательное доказательстко ученаго богатства Виленскаго центральнаго архива. Изъ предисловія къ третьему тому видно, что вслѣдъ за этимъ томомъ должно начаться печатаніе четвертаго тома, въ которомъ будутъ помѣщены гражданскіе акты,

и пятаго, въ который войдетъ ординація королевскихъ лѣсничествъ. Ученые пріемы, замѣтные при изданіи третьяго тома, не смотря на неудобства прежней системы изданія актовъ, ручаются намъ, что слѣдующіе томы будутъ еще болѣе достойны ученой извѣстности почтеннаго предсѣдателя Виленской коммиссіи.

2) Если даже согласиться, что многіе памятники безвозвратно погибли, и если даже окажется, что Виленскій и Витебскій архивы дѣйствительно бѣдны содержаніемъ (что̀ мы считаемъ невѣроятнымъ), то и въ такомъ случаѣ нельзя считать дѣло не поправимымъ. Западно-русская жизнь такъ сложна, запутана, что самыя хитрыя и настойчивыя усилія фанатиковъ изгладить слѣды русскаго прошедшаго не могли быть успѣшны. Въ западной Россіи все еще осталось слишкомъ много памятниковъ, и вся сила лишь въ умѣньи отыскивать ихъ. Въ настоящее время съ разныхъ сторонъ, и русской, и польской, раздаются голоса о примиреніи Русскихъ съ Поляками, и при этомъ высказывается даже съ польской стороны тотъ основной пунктъ примиренія, что вопросъ о возстановленіи Польши въ историческихъ границахъ долженъ быть разъ на всегда брошенъ Поляками; что западная Россія должна навсегда оставаться, какъ и остается теперь, русскою страною. Мы не имѣемъ намѣренія обсуждать здѣсь вопросъ о примиреніи Русскихъ и Поляковъ; но такъ какъ при разъясненіи его выставляется принципъ, который мы всегда защищали, то на него мы обращаемъ здѣсь вниманіе, и то лишь съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ него нѣкоторые выводы, полезные, по нашему мнѣнію, для успѣха археографическихъ трудовъ въ западной Россіи. Извѣстно, что у многихъ польскихъ пановъ есть собранія рукописей. Нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно богаты и извѣстны въ литературѣ, но до сихъ поръ они закрыты для русскихъ людей. Исключеніе составляетъ Несвижское собраніе рукописей князей Радивилловъ, которое, благодаря просвѣщенному вниманію настоящаго владѣльца Несвижа, было въ недавнее время открыто нѣсколькимъ русскимъ ученымъ; и еще одно, два. Если вопросъ о примиреніи Русскихъ и Поляковъ имѣетъ сколько-нибудь серіозное основаніе, а не есть просто ловушка для нашего русскаго благодушія, то было бы естественно ожидать, чтобъ эти запретныя до сихъ поръ собранія рукописей открылись сами собою, и чтобы члены западно-русскихъ археографическихъ коммиссій первые вошли въ нихъ и въ ближайшее время вынесли убѣдительнѣйшія доказательства, что рознь между Русскими и Поляками кончилась, и кончилась прочно, потому что тѣ и другіе соединились во имя науки,

самаго вѣрнаго средства къ объединенію. Отъ всей души желаемъ, чтобы почтеннымъ членамъ западно-русскихъ коммиссій удалось убѣдиться самимъ и убѣдить другихъ, что говоръ о примиреніи Русскихъ и Поляковъ не есть соединеніе пустыхъ словъ, а дѣйствительное и хорошее дѣло.

Въ то недавнее время, когда еще не было, да и не могло быть рѣчи о примиреніи Русскихъ и Поляковъ, Виленскій учебный округъ, вѣрно угадывая нужды науки и жизни, предпринялъ поиски этого именно рода памятниковъ, сокрытыхъ подъ спудомъ и даже считавшихся погибшими, и сумѣлъ даже открыть ученымъ двери въ нѣкоторыя частныя библіотеки, какъ напримѣръ въ вышеупомянутую библіотеку Радивилловъ, а также Трембицкаго и другихъ; мало того, округъ нашелъ возможнымъ пріобрѣсть нѣсколько весьма важныхъ рукописей и отъ частныхъ лицъ не только русскихъ, но и польскихъ. Такъ, пріобрѣтены, между прочимъ, лѣтопись Авраамки и лѣтопись Супрасльскаго монастыря. Собранный такимъ образомъ матеріалъ послужилъ содержаніемъ для четырехъ прежде изданныхъ томовъ Археографическаго сборника, о которыхъ мы говорили въ свое время въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Изъ этого же матеріала выбраны большею частію и памятники, напечатанные въ послѣднее время въ четырехъ новыхъ томахъ этого сборника — VI, VII, VIII и IX [1]).

Мы замѣчали въ свое время, что издатели Археографическаго сборника послѣ первыхъ томовъ, заключавшихъ въ себѣ случайно собранные памятники, пришли къ мысли издавать ихъ по особымъ отдѣламъ, относящимся къ опредѣленному научному вопросу или къ опредѣленной мѣстности. Настоящіе томы сборника изданы по этому именно плану, который, какъ очевидно, приближается къ плану Кіевской археографической коммиссіи, такъ что можно надѣяться, планъ этотъ вскорѣ будетъ вполнѣ усвоенъ, по всей вѣроятности, не только издателями Археографическаго сборника, но и Виленскою коммиссіей.

Шестой томъ Археографическаго сборника заключаетъ въ себѣ памятники религіознаго содержанія, и главнѣйшая ихъ часть относится къ исторіи православія въ Вильнѣ. Всѣ они вмѣстѣ обнимаютъ время отъ 1486 до 1764 г. Какъ въ другихъ томахъ сборника, такъ

[1]) V-й томъ будетъ служить дополненіемъ и справочною книгою къ первымъ четыремъ томамъ и еще не вышелъ въ свѣтъ.

и въ этомъ, находится не мало жалованныхъ грамотъ въ пользу приходскихъ церквей и монастырей. Особеннаго вниманія заслуживаютъ жалованныя грамоты въ пользу Виленскихъ церквей, числомъ 17. Онѣ даютъ возможность пополнить исторію церквей Вильны, въ особенности, Пречистенскаго собора, недавно воздвигнутаго изъ опозоренныхъ развалинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ помощью этихъ актовъ, дается возможность яснѣе представить могущество русской народности въ Вильнѣ, о которомъ теперь въ народѣ совершенно затерялось воспоминаніе. Въ шестомъ томѣ сборника есть и другія данныя, еще болѣе доказывающія это могущество. Въ немъ находится цѣлый отдѣлъ памятниковъ, раскрывающихъ внутреннюю жизнь православныхъ Русскихъ въ Вильнѣ. Это — памятники, показывающіе стремленіе Виленскаго бѣлаго духовенства къ нѣкоторой самостоятельности по отношенію къ высшей церковной власти и стремленіе мірянъ принимать участіе въ дѣлахъ церковныхъ и ограничивать этимъ самовластіе приходскаго духовенства. Съ одной стороны, бѣлое духовенство, то-есть, собственно говоря соборяне, или какъ ихъ тогда называли, крылошане (клирошане), домогается независимости отъ митрополичьяго намѣстника-монаха и отстаиваетъ свое право распоряжаться церковнымъ имуществомъ, а съ другой стороны, міряне отстаиваютъ свое право избирать священниковъ къ своимъ приходскимъ церквамъ и охранять цѣлость церковнаго имущества. То и другое стремленіе даетъ ясно замѣтить себя въ началѣ XVI столѣтія, когда и въ другихъ дѣлахъ западной Россіи обнаруживалось сильное возбужденіе. Западнорусскіе митрополиты сначала показывали значительную неуступчивость этимъ домогательствамъ. Они сами назначали священниковъ и отвергали право мірянъ вѣдать церковное имущество. Но ужь около половины XVI столѣтія они совсѣмъ иначе стали относиться къ этому дѣлу. Къ этому времени въ Вильнѣ были уже довольно сильныя цеховыя братства, участіе которыхъ въ дѣлахъ церковныхъ представляло несомнѣнную пользу въ виду усиливавшагося польскаго и латинскаго вліянія, которое тогда давало себя чувствовать очень непріятно. Такъ, Виленскій латинскій епископъ Янъ въ 1531 г. считалъ себя въ правѣ призывать къ своему суду и заключать въ темницу даже священниковъ православныхъ. Въ 1545 году латинскіе ксендзы производятъ безчиніе въ церкви Пречистенской, именно, ночью ударяютъ въ колокола этой церкви, приводятъ этимъ православныхъ въ смятеніе и затѣмъ ихъ же запутываютъ въ судное дѣло. Но то были отрывочныя явленія, не могшія имѣть важныхъ послѣдствій. Силы православныхъ жи-

телей Вильны понадобились позднѣе, когда появились іезуиты и затѣмъ церковная унія. Шестой томъ Археографическаго сборника даетъ значительное количество новыхъ памятниковъ для исторіи борьбы православныхъ жителей Вильны съ этими враждебными силами. Въ особенности замѣчательны памятники, раскрывающіе исторію религіознаго волненія въ Вильнѣ изъ-за уніи въ 1608 и 1609 годахъ. До сихъ поръ объ этомъ волненіи можно было знать только изъ двухъ-трехъ русскихъ памятниковъ, и затѣмъ, изъ уніатскихъ сочиненій. Въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ, хранящемся при св. синодѣ и заключающемъ въ себѣ, между прочимъ, не мало памятниковъ для исторіи православія въ Вильнѣ, замѣтенъ явный пробѣлъ актовъ 1608 и 1609 годовъ. Въ старой описи, составленной задолго до перенесенія этого архива въ С.-Петербургъ, помѣщены и эти памятники, но противъ нихъ сдѣланы особые знаки, которые, вѣроятно, дѣлалъ выбиравшій эти памятники и потомъ не возвратившій ихъ. Когда мы писали второй томъ изслѣдованій о литовской церковной уніи, мы не могли найдти этихъ памятниковъ и должны были возстановлять смыслъ событій по не многимъ русскимъ клочкамъ ихъ и явно пристрастнымъ уніатскимъ свидѣтельствамъ [1]). Видя, что здѣсь раскрывается одинъ изъ величественнѣйшихъ моментовъ православной жизни въ Вильнѣ, и чувствуя на каждомъ шагу крайній недостатокъ надежныхъ свѣдѣній, мы неоднократно возобновляли наши поиски упомянутыхъ документовъ, но они не отыскивались. Только послѣ изданія нашей книги мы узнали, что эти документы находятся въ Вильнѣ. Они теперь и изданы въ разсматриваемомъ нами томѣ Археографическаго сборника. Волненіе православныхъ жителей Вильны въ 1608 г. началось изъ-за того, что извѣстный Рутскій, при которомъ былъ и Іосафатъ Кунцевичъ, назначенъ былъ настоятелемъ Виленскаго Троицкаго монастыря и затѣмъ намѣстникомъ Виленскаго духовенства и въ связи съ іезуитами задумалъ усилить унію сближеніемъ ея съ латинствомъ. Связи Рутскаго съ іезуитами теперь изъ сборника видны гораздо яснѣе, чѣмъ это было извѣстно прежде. Православные жители Вильны, которые до тѣхъ поръ знали у себя унію почти только по имени, пришли въ страшное волненіе; волненіе это быстро разлилось по всему городу, сопровождалось шумными собраніями, крестными ходами и готово было завершиться торжественнымъ изгнаніемъ Рутскаго. Вмѣ-

1) Издатели VI-го тома сборника несправедливо замѣчаютъ, что мы описывали это волненіе на основаніи уніатскихъ сочиненій. У насъ указаны и не уніатскія свидѣтельства.

шательство власти не допустило до этого, но оно вызвало на дѣло крайнихъ, ожесточенныхъ людей изъ среды православныхъ, и эти люди чуть было не убили Поцѣя, пріѣхавшаго усмирять это волненіе при содѣйствіи власти. Замѣчательно это волненіе собственно тѣмъ, что по нему мы ясно можемъ видѣть, какъ велики были тогда православныя силы въ Вильнѣ; замѣчательно оно еще тѣмъ, что было примѣромъ для обнаруженія въ скоромъ времени подобной же силы въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Полоцкѣ, Могилевѣ и Витебскѣ по поводу фанатическихъ дѣйствій ученика Рутскаго и знакомца Вильнянъ, Іосафата Кунцевича. Кто не изучалъ этихъ волненій, тотъ ни изъ какихъ другихъ источниковъ не можетъ увидѣть столь ясно громадную тогда русскую силу въ сѣверо-западной Россіи, силу, которая какъ-бы желала соотвѣтствовать казацкой силѣ юго-западной Россіи, но дѣйствовала обыкновенно мирными и интеллигентными средствами и только въ отчаяніи обращалась къ казацкимъ средствамъ и даже вступала для этого въ сношенія съ казаками.

Седьмой томъ Археографическаго сборника весь составленъ изъ памятниковъ, выписанныхъ изъ Несвижскаго собранія рукописей, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ документовъ, взятыхъ изъ рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки, и надобно сказать— это одинъ изъ лучшихъ томовъ сборника какъ по содержанію, такъ особенно по обработкѣ. Приготовленъ этотъ томъ къ изданію гг. Гильтебрандтомъ и Миротворцевымъ. Главная и самая бо́льшая часть работы принадлежитъ г. Гильтебрандту. Оба эти лица въ 1867 и 1869 гг. ѣздили въ Несвижъ, сдѣлали богатыя выписки въ его рукописномъ архивѣ и представляютъ намъ теперь часть своихъ работъ. Самымъ памятникамъ, какъ принято и въ другихъ томахъ сборника, они предпосылаютъ предисловіе, которое замѣтно выступаетъ изъ ряда другихъ своими крупными достоинствами, и безъ сомнѣнія, привлечетъ къ себѣ вниманіе ученыхъ, занимающихся русскою исторіей. Въ этомъ предисловіи основательно, хотя и кратко, разказана исторія Несвижа и его библіотеки, сообщены любопытнѣйшія свѣдѣнія о необыкновенно трудолюбивой работѣ по описанію рукописей завѣдывающаго ими г. Симоновича, а также г. Шишки [1]), и дано понятіе о богатствѣ этихъ рукописей, на сколько можно было судить о томъ при кратковременномъ обозрѣніи ихъ. Мы думаемъ, что это одинъ изъ счастливѣйшихъ случаевъ обозрѣнія русскими учеными частнаго собранія

[1]) Эти два лица описали тщательнѣйшимъ образомъ 589.806 документовъ.

рукописей въ западной Россіи, и надѣемся, что онъ произведетъ благотворную перемѣну въ умахъ другихъ тамошнихъ владѣльцевъ рукописей. Всякій теперь можетъ убѣдиться, что русскіе ученые никакого зла не дѣлаютъ, когда ихъ впускаютъ въ частныя хранилища рукописей; напротивъ того, они вполнѣ оцѣниваютъ и вниманіе къ нимъ, и сдѣланныя другими работы и оповѣщаютъ о нихъ съ самою сердечною любовію къ истинѣ и добросовѣстному труду. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что никто больше этихъ ученыхъ не оцѣнилъ вниманія князя Радивилла, открывшаго русской наукѣ сокровища своихъ рукописей, и никто больше ихъ не принесъ справедливой дани уваженія къ многолѣтнимъ трудамъ гг. Симоновича и Шишки. И это не случайное признаніе. Извѣстно, что и С.-Петербургская археографическая коммиссія посылала одного изъ своихъ членовъ для обозрѣнія Несвижскихъ рукописей, и что онъ также призналъ важную передъ наукою заслугу трудовъ гг. Симоновича и Шишки. Въ непродолжительномъ времени будетъ напечатано и это признаніе; такимъ образомъ, всѣ русскіе ученые узнаютъ, что въ Несвижѣ находится богатое, прекрасно описанное собраніе рукописей, и съ благодарностію будутъ помнить имена вышеупомянутыхъ лицъ, которыя при всѣхъ треволненіяхъ, колебавшихъ даже основы западнорусской жизни, спокойно и безостановочно изучали и описывали памятники этой жизни.

Не менѣе благотворное дѣйствіе должно произвести на всѣхъ и самое содержаніе Несвижскаго, такъ сказать, тома Археографическаго сборника. Здѣсь раскрывается исторія рода князей Радивилловъ и большею частію съ такихъ сторонъ, на которыхъ, безъ сомнѣнія, съ любовію остановятся нынѣшніе представители этого рода.

Родъ князей Радивилловъ, благодаря необычайному своему богатству и родству съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, занялъ въ XVI столѣтіи одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ знатныхъ западнорусскихъ родовъ. Но кромѣ этихъ внѣшнихъ и случайныхъ опоръ величія, онъ сумѣлъ закрѣпить его тѣмъ, что связывалъ себя съ главнѣйшими направленіями западнорусской жизни. Онъ откликнулся въ XVI столѣтіи на всеобщее въ то время патріотическое направленіе и сталъ во главѣ защитниковъ западнорусской свободы и независимости отъ Польши. Николай Радивиллъ Черный былъ такъ могуществененъ въ этомъ отношеніи, что при немъ немыслимо было соединеніе Литвы съ Польшей, и всѣ сеймы, созываемые для этой цѣли, кончались ничѣмъ. Слабѣе защищалъ Литву отъ Польши преемникъ его значенія Николай-Христофоръ Радивиллъ, но и около него

группировались еще почти всѣ лучшіе поборники западнорусской независимости. Седьмой томъ Археографическаго сборника даетъ намъ нѣсколько писемъ Литовцевъ къ Радивиллу съ Люблинскаго сейма, писемъ, которыя представляютъ новое подтвержденіе, что Люблинская унія 1569 г. была приведена къ концу только благодаря всякимъ неправдамъ и давленіямъ со стороны короля и Поляковъ, и благодаря раздору между сѣверозападною и югозападною Россіей, или какъ тогда называли, между Литвой и Волынью.

Съ паденіемъ западнорусской независимости не пало однако значеніе Радивилловъ, потому что оно основывалось на ихъ сочувствіи къ другимъ направленіямъ западнорусской жизни, выражавшимъ также любовь къ родному. Принятіе болѣе видными Радивиллами протестантства собрало около нихъ большинство проповѣдниковъ религіозной свободы и умѣренныхъ, и крайнихъ. Седьмой томъ Археографическаго сборника не представляетъ богатыхъ данныхъ объ этой сторонѣ дѣятельности Радивилловъ. Помѣщенныя въ немъ нѣсколько писемъ протестантскихъ пасторовъ относятся къ позднѣйшему времени, когда протестантство уже падало, и писаны изъ такихъ мѣстностей, въ которыхъ русская жизнь не могла дать ему развиться. Несравненно болѣе важное значеніе имѣютъ помѣщенные въ предисловіи сборника значительные отрывки изъ Несвижскаго кальвинскаго катихизиса 1562 года. Не останавливаясь на разборѣ этого памятника, обратимъ вниманіе лишь на то, что онъ писанъ по русски, и что по этому поводу въ посвященіи катихизиса князьямъ Радивилламъ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Къ тому тѣжъ и для того (составленъ катихизисъ по русски), обыся ваши княжацъкие милости не только въ чужоземскихъ языцѣхъ кохали, але бы ся тежъ ваши княжацъкие милости и того здавъна славъного языка словеньскаго розмиловати и оным ся бавати (бавити — заниматься?) рачили. Слушъная бо речь естъ, абы ваши княжацъкие милости того народу языкъ миловати рачили, въ которомъ давъные предъки и ихъ княжацъкие милости пановѣ отци вашихъ княжецъкихъ милости славъне преднейшие преложеньства несуть“ [1]). Ужь изъ этого свидѣтельства можно видѣть, что русская народность въ родѣ Радивилловъ не была чуждою. Изъ другихъ свидѣтельствъ это можно видѣть еще яснѣе. Родъ князей Радивилловъ былъ до соединенія Литвы съ Польшей и не малое время послѣ такимъ же русскимъ, какъ и другіе литовскіе роды. Кромѣ того, онъ

[1]) Предисловіе, стр. XX.

былъ связанъ многочисленными родственными узами съ русскими родами, долѣе его сохранившими русскую народность. Три княжны Острожскія, выходившія замужъ за Радивилловъ, роднили ихъ съ домомъ князей Острожскихъ; кромѣ того, Радивиллы были въ такомъ же родствѣ съ домомъ князей Слуцкихъ, извѣстныхъ своею любовью къ православію и русской народности. Эти-то связи и закрѣпляли за князьями Радивиллами особенное значеніе въ глазахъ русскаго народа. Какъ велико было это значеніе, можно судить по тому, что князей Радивилловъ называли покровителями православія даже такіе люди, какъ митрополиты Іовъ Борецкій, Петръ Могила, и даже казаки, которые во времена Хмѣльницкаго не разъ ограждали отъ разореній ихъ имѣнія и вообще имѣли съ Радивиллами многочисленныя сношенія [1]). Это же было причиною, что во времена гоненій на православныхъ, эти послѣдніе постоянно обращались къ Радивилламъ за помощію. Особенно часто обращались къ нимъ члены Виленскаго братства, и еще чаще—представители православія въ Слуцкѣ, Слуцкіе архимандриты, жившіе во владѣніяхъ Радивилловъ. Эти же связи повели, наконецъ, къ дружескимъ сношеніямъ съ Радивиллами русскаго правительства при Алексѣѣ Михайловичѣ, Петрѣ I, и далѣе, до временъ Екатерины. Седьмой томъ Археографическаго сборника заключаетъ въ себѣ больше всего документовъ, объясняющихъ эти русскія связи Радивилловъ. Понятно поэтому и безъ подробнаго перечисленія этихъ памятниковъ, какъ богато содержаніе этого тома. Въ особенности богаты въ немъ памятники, объясняющіе исторію православія въ Слуцкѣ. Теперь уже можно по нимъ составить исторію Слуцкой архимандріи.

Само собою разумѣется, что на такой сильный и вліятельный родъ не могли не обратить вниманія представители латинопольской силы. Въ тоже XVI столѣтіе, когда Радивиллы достигли высшаго могущества, іезуиты овладѣли нѣкоторыми изъ Радивилловъ и воспитали изъ нихъ отчаянныхъ фанатиковъ. Таковы были: Юрій Радивиллъ епископъ Виленскій, неистовый губитель памятниковъ просвѣщенія, и Янушъ Радивиллъ, польскій гетманъ, во времена казацкихъ смутъ сажавшій на колъ цѣлыя сотни людей. Въ седьмомъ томѣ сборника нѣтъ памятниковъ этого рода; есть только памятники, показывающіе какъ бы переходъ Радивилловъ отъ живыхъ силъ западнорусскихъ на сторону

---

[1]) Этою любовію Русскихъ особенно пользовался Христофоръ Радивиллъ, гетманъ Литовскій.

мрачныхъ,—это именно письма къ Радивилламъ разныхъ духовныхъ уніатскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, если сопоставить ихъ съ письмами отъ православныхъ, тутъ же напечатанными, представляютъ любопытное явленіе. Обѣ стороны одинаково разчитывали на вниманіе и покровительство Радивилловъ, и эти послѣдніе то и дѣло должны были разрѣшать не разрѣшимое въ ихъ время противорѣчіе — совмѣщать интересы православія и уніи. Неизбѣжно являлось у Радивилловъ раздвоеніе симпатій, и подъ ихъ ногами колебалась историческая почва. Это особенно ясно въ ихъ отношеніяхъ къ Евреямъ. Къ такимъ великимъ господамъ, каковы были Радивиллы, не могли не подойдти вслѣдъ за іезуитами Евреи. Они подошли къ нимъ и забрали въ свои руки торговлю въ ихъ городахъ. Гуманность Радивилловъ обнаружила обычное въ Евреяхъ свойство — злоупотреблять всякимъ добромъ. Какъ великіе политики, Евреи поняли, что русская народность и православіе падаютъ въ западной Россіи, и потому позволяли себѣ слишкомъ безцеремонныя отношенія къ православнымъ. Въ седьмомъ томѣ сборника есть нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видно, что Евреи врывались въ дома священниковъ, били ихъ, врывались даже и производили безчиніе въ православныхъ церквахъ. Въ этомъ же томѣ сборника есть еще одинъ рядъ памятниковъ, не имѣющихъ связи съ вышеочерченными, но очень важныхъ въ исторіи XVIII столѣтія. Это письма представителей русской власти къ Радивилламъ, по поводу крестьянъ, бѣжавшихъ въ Литву изъ Русскаго государства. Они могутъ пригодиться для характеристики послѣдствій Петровскихъ реформъ и Бироновскихъ взысканій недоимокъ.

Въ заключеніе обзора памятниковъ седьмаго тома сборника считаемъ нужнымъ прибавить еще, что памятники эти изданы съ рѣдкою тщательностію и ученою обработкою. При каждомъ памятникѣ помѣщено краткое его содержаніе съ большимъ знаніемъ дѣла и часто съ указаніемъ источниковъ для объясненія его.

Осьмой томъ сборника составляетъ какъ-бы дополненіе седьмаго. Въ немъ также памятники большею частью изъ фамильнаго архива Радивилловъ, но другой вѣтви — Радивилловъ на Биржахъ и Дубинкахъ, доставшіеся Виленскому учебному округу не по вниманію владѣльца ихъ къ русской наукѣ, а по конфискаціи его имущества, какъ повстанца, именно графа Маріана Чапскаго [1]), владѣльца Кейданъ, принадлежавшихъ прежде Радивилламъ. Настоящій томъ главнымъ

[1]) Предисловіе, стр. 111.

образомъ и составленъ изъ рукописей Кейданскаго архива. Памятники этого тома расположены по слѣдующимъ разрядамъ: 1) Описаніе Жмудской земли — копія 1624 г. съ подлинника, составленнаго въ 1555 г. (напечатана по рукописи Виленской публичной библіотеки); 2) Владѣнныя записи; 3) Процессы жмудскихъ кальвинистовъ съ католиками; 4) Права и привилегіи, данныя Кейданамъ, и 5) Переписка Януша и Богуслава Радивилловъ съ управляющими.

Составленіемъ этого тома занимались гг. Кашпринъ, Лукашевичь и Чеховичь, а изданіемъ завѣдывалъ г. Щербацкій, которому принадлежитъ бо̀льшая часть переводовъ памятниковъ на русскій языкъ, а также примѣчанія и предисловіе [1]).

По заглавіямъ отдѣловъ памятниковъ можно видѣть, что они касаются исторіи Жмудской земли, и главнымъ образомъ, мѣстечка Кейданъ, въ 47 верстахъ отъ Ковны. Описаніе Жмудской земли — это то же, что̀ наши писцовыя книги. Къ сожалѣнію, издатели опустили перечисленіе крестьянъ, а между тѣмъ оставили вездѣ перечисленіе однѣхъ и тѣхъ же повинностей. По нашему мнѣнію, было бы гораздо лучше избѣгать многократныхъ перечисленій однѣхъ и тѣхъ же повинностей, если уже нужно было сокращать изданіе, и помѣщать всѣ названія крестьянъ. Для филологовъ и для историковъ это перечисленіе очень важно. По нему можно было бы прослѣдить смѣшеніе Бѣлоруссовъ съ Литвинами, а можетъ-быть, и развитіе батрачества.

За этимъ описаніемъ всѣ памятники болѣе или менѣе близко характеризуютъ дѣйствія Радивилловъ. Въ этихъ памятникахъ, какъ и въ Несвижскихъ, высказывается та же гуманность Радивилловъ въ отношеніи къ населенію ихъ владѣній и ихъ отечества. Протестантство, къ которому многіе изъ нихъ принадлежали, пользуется ихъ заботливостію и защитою въ утомительной борьбѣ съ латинянами, особенно съ іезуитами, но въ то же время владѣльцы Кейданъ заботятся о привлеченіи русскаго населенія и о его потребностяхъ — строятъ для него церкви и украшаютъ ихъ. Въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, принимала серіозное участіе жена Януша Радивилла, Марія, дочь волошскаго господаря Могилы.

Особенно ясное доказательство гуманныхъ взглядовъ Радивилловъ представляетъ дарованное ими г. Кейданамъ Магдебургское право. Городъ имѣлъ право выбирать должностныхъ лицъ изъ всѣхъ націй, безъ различія вѣроисповѣданія. Евреи также получили право се-

[1]) Предисловіе, стр. XIV.

литься и благоустроиться въ Кейданахъ; но замѣчательно, что здѣсь были приняты нѣкоторыя мѣры противъ злоупотребленій съ ихъ стороны. Евреи должны были селиться только въ назначенныхъ имъ мѣстахъ и не могли пріобрѣтать недвижимую собственность отъ христіанъ. Подобное отдѣленіе Евреевъ отъ христіанъ было и въ другихъ мѣстахъ; но въ Кейданахъ вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты мѣры и къ слiянiю Евреевъ съ христіанами. Такъ, ремесленники изъ нихъ были причислены къ цехамъ христіанъ и должны были нести цеховыя обязанности, кромѣ религіозныхъ, и что̀ особенно замѣчательно, Евреи вмѣстѣ съ христіанами должны были упражняться въ военномъ искусствѣ, которое было поощряемо и у другихъ Радивилловъ, напримѣръ, въ Несвижѣ, гдѣ лучшій стрѣлокъ получалъ званіе короля съ особенными правами и обязанностями [1]). Какъ-бы въ благодарность за эти заботы, Янушъ Радивиллъ находилъ между Евреями самыхъ опытныхъ шпіоновъ. Вотъ какъ описывается одинъ изъ нихъ: „Прибылъ сюда“, писалъ въ 1660 г. къ Богуславу Радивиллу его Кейданскій староста Оборскій, „Еврей изъ Слуцка съ большою отвагой и опасностію. Онъ имѣетъ письма къ вашей княжеской милости отъ гг. коммиссаровъ, хотя подмоченныя и помятыя, но онъ самъ будетъ живымъ письмомъ и сообщитъ вамъ весьма многое. Онъ былъ у самого князя Хованскаго въ кандалахъ, былъ и въ Новогродкѣ, попробовалъ и русской плети, видѣлъ все непріятельское войско и сдѣлаетъ вамъ подробную реляцію обо всемъ. Можете ваша княжеская милость ввѣрить ему свои письма или даже и устно сообщить ему все, что̀ нужно; потому что ему очень легко пробраться чрезъ непріятельскій станъ: говоритъ онъ какъ природный Русскій, да и осанка его чисто русская; притомъ же не въ первый разъ исполнять ему подобныя порученія“ [2]).

Нужно однако замѣтить, что гуманность Радивилловъ иногда уживалась со странною жестокостію и мало по малу приводила ихъ къ забвенію родины. Такъ Янушъ Радивиллъ страшно неистовствовалъ надъ русскимъ народомъ во время казацкихъ смутъ и затѣмъ предался было Шведамъ. Главною двигающею силою при этихъ крутыхъ поворотахъ, кромѣ личныхъ особенностей, было протестатнство Радивилловъ и болѣе и болѣе частое родство ихъ съ западно-европейскими владѣтельными домами. Идя этимъ путемъ, Радивиллы почти совсѣмъ потерялись для западной Россіи, потянули за собою часть сво-

---

[1]) Уставъ объ этомъ напечатанъ въ т. VII сборника.

[2]) Стр. 383, русскій переводъ.

ихъ западнорусскихъ имѣній, и что̀ гораздо важнѣе, за ними потянули къ западной Европѣ, то-есть, собственно къ Пруссіи, ихъ многочисленные послѣдователи, западнорусскіе протестанты. Исторія значительной колонизаціи Жмуди нѣмцами, оживившей не мало и Балтійское нѣмецкое население, находитъ себѣ объясненіе въ исторіи Радивилловъ.

Девятый томъ Археографическаго сборника содержитъ въ себѣ двѣ хроники двухъ замѣчательнѣйшихъ монастырей Гродненской губерніи — Супрасльскаго близь Бѣлостока и Коложанскаго, развалины котораго находятся въ Гроднѣ, на берегу Нѣмана. Обѣ эти хроники долгое время были въ безвѣстности, и одна изъ нихъ, Супрасльская, нѣкоторое время считалась даже погибшею. О Коложанской хроникѣ первый далъ извѣстіе передъ послѣднею смутою покойный астрономъ Гусевъ въ бывшемъ Виленскомъ археологическомъ обществѣ, котораго онъ былъ членомъ, и которому предложилъ издать ее съ русскимъ предисловіемъ, а затѣмъ она перешла въ Виленскую публичную библіотеку. Супрасльскую лѣтопись отыскалъ А. В. Рачинскій и представилъ въ Виленскій учебный округъ. Эти свѣдѣнія мы заносимъ потому, что они, вѣроятно, не были извѣстны почтенному издателю IX-го тома сборника, и потому еще, что они связаны съ именами лицъ, сердечно трудившихся въ западной Россіи въ интересахъ русской науки. Томъ IX-й приготовленъ къ изданію учителемъ Литовской семинаріи г. Демьяновичемъ, принадлежащимъ, вмѣстѣ съ г. Щербацкимъ, также учителемъ Литовской семинаріи, къ немногочисленной еще группѣ мѣстныхъ западнорусскихъ силъ, вооруженныхъ и русскою наукой, и проникнутыхъ любовью къ русскому развитію ихъ родины. Оба эти свойства со всею очевидностію сказываются въ девятомъ томѣ сборника. Изданію предпослано обстоятельное изслѣдованіе Супрасльской и Коложанской хроникъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о Супрасльскомъ и Коложанскомъ монастыряхъ. Обѣ хроники и многіе изъ приложенныхъ къ нимъ документовъ писаны на польскомъ языкѣ. Издатель все это перевелъ на русскій языкъ и обставилъ многочисленными примѣчаніями, заключающими въ себѣ нерѣдко критическія изслѣдованія по тому или другому вопросу. Супрасльская лѣтопись требовала отъ него особеннаго труда. Онъ собралъ относящіеся къ ней документы, разобралъ черновыя записки хроники, все это сличилъ и распредѣлилъ документы въ хроникѣ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Далѣе, онъ приложилъ къ Супрасльской хроникѣ помянникъ этого монастыря и списокъ книгъ, въ немъ изданныхъ.

Обработка IX-го тома живо напоминаетъ седьмой томъ Архео-

графическаго сборника. И о Супрасльскомъ, и о Коложанскомъ монастырѣ въ нашей литературѣ есть уже свѣдѣнія. Въ 1869 году былъ составленъ историческій очеркъ Супрасльскаго монастыря архимандритомъ Модестомъ, бывшимъ тогда инспекторомъ Литовской семинаріи; о Коложанскомъ монастырѣ, то-есть, собственно о его знаменитыхъ развалинахъ, свѣдѣнія помѣщены, между прочимъ, въ *Извѣстіяхъ Археологическаго Общества* за 1861 годъ, а самые рисунки ихъ изданы въ послѣднее время Виленскимъ учебнымъ округомъ въ Памятникахъ Сѣверозападнаго края. Тотъ и другой монастыри вынесли много бурь историческихъ. Одинъ изъ нихъ—Супрасльскій, подражатель въ началѣ Аѳонской иноческой жизни, служилъ во времена уніи сильнымъ орудіемъ латинской пропаганды, другой—Коложанскій, памятникъ усердія русскихъ князей XII вѣка, послѣ всѣхъ ударовъ человѣческаго зложелательства, сокрушенъ бурною стихіей—волнами Нѣмана. Въ исторіи того и другаго не маловажное значеніе имѣлъ родъ Ходкевичей, сперва благотворителей ихъ, а потомъ большею частію своекорыстныхъ патроновъ. Весьма желательно, чтобъ было продолжено подобнымъ же образомъ изученіе хроникъ другихъ монастырей. Такъ, намъ извѣстно, что существуетъ хроника Виленскаго Троицкаго монастыря; есть также возможность собрать и издать памятники исторической жизни Виленскаго Духовскаго монастыря и монастыря Жировицкаго.

III.

Нельзя не порадоваться, что въ Вильнѣ, рядомъ съ изданіемъ древнихъ памятниковъ за время литовскаго и польскаго владычества, предпринимается описаніе и печатаніе дѣлъ за время русскаго управленія страною. Составитель этого описанія г. Энгель совершенно справедливо замѣчаетъ, что архивъ Виленскаго генералъ-губернаторства представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для изслѣдователя исторіи Литвы послѣдняго времени. Мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ въ 1862 году, дѣлая нѣкоторыя справки въ этомъ архивѣ по исторіи возсоединенія уніатовъ. Г. Энгель, приступившій къ описанію этого богатаго архива, обѣщаетъ удовлетворить двумъ требованіямъ: административнымъ — при справкахъ въ архивѣ, и ученымъ. Для удовлетворенія послѣднимъ требованіямъ г. Энгель предполагаетъ печатать болѣе важныя бумаги цѣликомъ, но кромѣ того, намѣренъ печатать цѣликомъ и вообще бумаги государственныхъ людей. Первый выпускъ описанія по преимуществу наполненъ бумагами послѣдняго рода. Въ немъ помѣщены главнымъ образомъ случайно попавшія въ

архивъ Виленскаго генералъ-губернаторства бумаги князя Н. В. Рѣпнина о Турецкой войнѣ, болѣе всего за 1788—1789 годы, почти все спеціальнаго, военнаго характера. Безъ сомнѣнія, обнародованіе и этихъ бумагъ принесетъ пользу, но можно опасаться, что печатаніе подобныхъ документовъ замедлитъ обнародованіе другихъ, гораздо болѣе важныхъ и настоятельнѣе нужныхъ. Впрочемъ, и въ этихъ военныхъ бумагахъ, о которыхъ мы не беремся судить вообще, попадаются по мѣстамъ важныя извѣстія о дѣлахъ польскихъ. Такъ, изъ нихъ мы видимъ, что во время второй Турецкой войны Польша постоянно обнаруживала къ намъ враждебныя чувства. Она затрудняла продовольствіе нашихъ войскъ, переходы плѣнныхъ, переѣзды курьеровъ, выдумывала для этого моровое повѣтріе и распространяла между своими украинскими жителями тревожные слухи о вступленіи въ ея предѣлы русскихъ войскъ. Въ этихъ же бумагахъ попадаются отрывочныя извѣстія о волненіи Волынскихъ крестьянъ въ концѣ осьмидесятыхъ годовъ и о вызовѣ оттуда нашихъ маркитантовъ, которыхъ Поляки подозрѣвали въ возмущеніи крестьянъ, и у которыхъ отнимали всякіе ножи [1]). Несравненно больше интереса представляютъ бумаги съ 1793 года, когда къ князю Рѣпнину стали доходить извѣстія о майской конституціи (до ея обнародованія), которая, какъ видно, была въ этихъ извѣстіяхъ преувеличена; именно, извѣстія говорили, что Польскій король получилъ почти самодержавную власть, и что вольность крестьянъ и собственность ихъ утверждена (Описаніе, т. II, стр. 480—481, 483—484). Интересъ документовъ возрастаетъ къ 1793 году, когда русскія власти стали получать извѣстія о готовящемся возстаніи Поляковъ въ Польшѣ и Литвѣ. Наконецъ, во второй части описанія бо́льшая половина занята письмами и бумагами, относящимися до польскаго возстанія 1794 года и до кампаніи противъ Костюшки, то-есть, съ 1-го апрѣля 1794 года до назначенія Н. В. Рѣпнина Литовскимъ генералъ-губернаторомъ (30-го октября 1794 года).

Памятники эти въ высшей степени замѣчательны. Не вдаваясь въ подробности, намѣтимъ только важнѣйшіе эпизоды этой борьбы Русскихъ съ Поляками, окончившейся послѣднимъ раздѣломъ Польши. Наши дѣла въ Польшѣ пришли тогда въ страшный безпорядокъ.

[1]) Изъ современныхъ мѣстныхъ извѣстій, въ особенности изъ сочиненія уніатскаго протоіерея Бродовича, извѣстно, сколько шуму и бѣдствій народу причинили Поляки въ то время, подозрѣвая Волынскихъ крестьянъ въ намѣреніи поднять бунтъ.

Русскіе люди гибли и не знали, что̀ предпринять. Нашъ главнокомандующій въ Варшавѣ Игельстромъ потерялъ голову. „Нашъ общій другъ Осипъ Андреевичъ“, пишетъ къ Рѣпнину графъ Н. И. Салтыковъ, „послѣ случившагося съ нимъ несчастія (извѣстной катастрофы въ Варшавѣ, когда Поляки напали измѣннически на Русскихъ), сказываютъ, совсѣмъ себя потерялъ и никакъ себя найдти не можетъ, бывъ совершенно въ отчаяніи, и сколь дѣла ни дурны, онъ ихъ еще дурнѣе ведетъ“... (II, стр. 707). Дѣла наши въ Литвѣ были не многимъ лучше. Въ Вильнѣ также наше войско подверглось нападенію, и наши отряды были разбросаны по всей странѣ и разобщены. Шляхта поднималась въ повстаніе и стала привлекать крестьянъ то силою, то даже обѣщаніемъ воли. Иноземная интрига собиралась еще ухудшить наши дѣла. Пруссія и Австрія, какъ-бы по взаимному соглашенію, задумали устроить такъ, чтобы наши военныя силы охраняли отъ волненій области ихъ, сосѣднія съ тогдашнею Польшей. Изъ Австріи и особенно изъ Пруссіи слѣдовали настойчивыя представленія, чтобы Россія усмирила волненіе въ своихъ областяхъ, пограничныхъ съ ихъ государствами. Во второй части Описанія есть любопытныя признанія прусскихъ властей по этому поводу. Кенигсбергскій губернаторъ, генералъ Бринникенъ, писалъ въ 1794 г. 10-го апрѣля къ прусскому министру въ Варшавѣ слѣдующее: „Изъ дошедшихъ ко мнѣ отъ границъ рапортовъ усмотрѣлъ я, что Поляки въ Литвѣ конфедерацію открываютъ; зная притомъ, что наши границы, съ оною провинціей смежныя, недостаточно прикрыты войсками, пріемлю смѣлость, увѣдомляя о томъ ваше высокородіе, просить снестись по сему предмету съ его превосходительствомъ г. генералъ-аншефомъ Игельстромомъ и спросить его, сколько въ Литвѣ находится русскаго войска, и гдѣ сколько ихъ расположено, а притомъ, какую я могу отъ нихъ ожидать помощь въ случаѣ нужды. Мнѣ крайне желательно получить скорѣйшій отвѣтъ, чтобы знать, какія припять мѣры, *не причиняя его королевскому величеству излишнихъ расходовъ*“ (стр. 647—648). Замѣчательно, что нѣкоторые наши военачальники нѣмецкаго происхожденія не видѣли въ этомъ никакой уловки и старались направить наши войска по желанію Пруссіи и Австріи.

Къ счастію, Екатерина II и ея русскіе государственные люди ясно понимали это дѣло и не дали ввести себя въ обманъ: „Вы изъ предыдущихъ и при отправленіи вашемъ данныхъ вамъ наставленій видѣли“, писала Екатерина II къ Игельстрому, „да и самымъ положеніемъ земель, гдѣ расположены войска, вамъ ввѣренныя, конечно

убѣждены, что для пользы дѣлъ нашихъ важнѣе сохранить спокойствіе по сей сторонѣ Вислы, какъ въ мѣстахъ прилеглыхъ къ предѣламъ имперіи нашей, и воспретить переходъ бунтовщикамъ на правый берегъ сей рѣки, чѣмъ удерживать Варшаву на томъ берегу Вислы, да и совсѣмъ въ углу, къ границамъ прусскимъ... Конечно, желательно было бы, чтобы Варшава не соединилась съ бунтовщиками, но сіе еще важнѣе было бы по близости для областей Прусскаго короля, чѣмъ для нашихъ, и могло бы побудить его скорѣе дѣйствовать сильною рукою" (стр. 662—663). Графъ Салтыковъ даже насмѣхался по этому поводу надъ Игельстромомъ. „Потеря наша въ Польшѣ не столь велика выходитъ", писалъ Салтыковъ къ Рѣпнину, „какъ съ начала быть казалась, а только безурядица великая; вы вслѣдъ сего получите предполагаемыя теперь отъ Игельштрома распоряженія; онъ начинаетъ опять собираться съ духомъ, но по несчастію онъ все стремится къ Кракову и прусской границѣ, а намъ нужнѣе прикрыть свои собственныя и не такъ далеко забиваться.... а лучше туда оставить дѣйствовать королю Прусскому" (стр. 727—728). Съ этимъ народнымъ тактомъ правительства находились въ соотвѣтствіи и дѣйствія русскихъ отрядовъ, разбросанныхъ по взволнованной странѣ. За исключеніемъ Варшавской и Виленской катастрофъ, бросающихъ тѣнь на нѣкоторыхъ распорядителей въ нашихъ войскахъ, но бросающихъ также и яркій свѣтъ на войска вообще, ни одинъ нашъ отрядъ въ Литвѣ, о которой собственно и говорятъ памятники Описанія, не измѣнилъ своему долгу. Какъ ни велики были ихъ затрудненія и безпомощность, ни одному Русскому не приходило въ голову преклониться передъ силою враговъ. Нельзя не замѣтить также, что начальники войскъ, бывшихъ въ Литвѣ, хорошо относились къ народу, понимали его невольное участіе въ бунтѣ и обыкновенно распускали крестьянъ по домамъ, когда тѣ попадались въ шайкахъ. Понятно, что при такомъ правильномъ пониманіи положенія народа западной Россіи, власти эти не могли не встрѣтить сочувствія и поддержки со стороны народа. Въ Описаніи есть нѣсколько случаевъ такого сочувствія и поддержки.

Весьма желательно, чтобы начатое „Описаніе дѣлъ, хранящихся при Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ", продолжалось безостановочно. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый новый томъ его будетъ представлять болѣе и болѣе интереса, особенно если составители его будутъ свободны отъ предубѣжденій противъ гласности, столь частыхъ при подобныхъ дѣлахъ. Нельзя не пожалѣть, что въ Виленскомъ ге-

нералъ-губернаторствѣ недостаетъ многихъ подлинныхъ бумагъ польскихъ, какъ это не рѣдко замѣчаетъ составитель Описанія. Мы полагаемъ, что въ случаѣ подобныхъ недочетовъ при будущихъ томахъ, слѣдовало бы держаться правила — давать полнѣе все, что̀ осталось, если дѣло сколько-нибудь важно.

IV.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ нашей литературѣ горячо разъяснялся еврейскій вопросъ, и когда большею частью изслѣдователи его приходили къ заключенію, что это умное племя потому бѣдствуетъ и потому дѣлаетъ такъ много зла христіанскому населенію, что лишено правъ, то люди, близко знакомые съ нашимъ еврействомъ, обращали вниманіе либеральныхъ изслѣдователей его на то, что корень бѣдствій Евреевъ и зла отъ нихъ не въ этомъ, а въ замкнутости ихъ, образовавшейся помимо и гораздо раньше всякихъ преслѣдованій Евреевъ со стороны христіанъ. Заявленіе это не могло, однако, имѣть полной убѣдительности, потому что большинство писавшихъ у насъ въ защиту Евреевъ было совершенно не знакомо съ еврейскимъ бытомъ, да и заявители противоположнаго мнѣнія не имѣли достаточно не опровержимыхъ данныхъ. Они могли описывать послѣдствія еврейской замкнутости, могли говорить о частныхъ проявленіяхъ ея, но знать во всей подробности эту замкнутость и обличать ея систему съ доказательствами въ рукахъ не могли. До этого не допускала таинственность еврейскихъ корпорацій, закрытая еще и внѣшнею, рѣдко для насъ проницаемою оболочкой — еврейскимъ языкомъ.

Проникнуть въ эту таинственную корпорацію могли только люди, вышедшіе сами изъ еврейской корпорацій и проникнутые любовью къ правдѣ и общему благу. Эту важную и трудную задачу взялся въ 1866 г. выполнить г. Гурвичъ, который, подъ именемъ Правдина, сообщалъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* въ высшей степени важныя свѣдѣнія объ искаженіи здраваго смысла еврейскихъ мальчиковъ въ еврейской школѣ посредствомъ преподаванія талмудическихъ понятій, идущихъ въ разрѣзъ съ общечеловѣческими правилами нравственности и общежитія. Еще съ большею силою выступилъ въ то же время г. Брафманъ, котораго многочисленныя статьи по еврейскому вопросу составляютъ важное пріобрѣтеніе для нашей литературы. Почти всѣ статьи г. Брафмана открывали читателямъ путь къ изученію сущности еврейскаго вопроса, то-есть, внутренняго замкнутаго быта Евреевъ.

Счастливая случайность доставила въ руки г. Брафмана цѣлое собраніе актовъ изъ этого внутренняго быта, и вотъ часть этихъ-то актовъ и издана теперь г. Брафманомъ подъ заглавіемъ „Книга Кагала“.

Но это заглавіе не совсѣмъ точно. Г. Брафманъ издалъ въ своей книгѣ не одни акты. Онъ разбилъ ихъ на разряды и о каждомъ разрядѣ актовъ дѣлаетъ изслѣдованіе, основанное и на другихъ источникахъ. Въ настоящемъ томѣ помѣщено семнадцать такихъ изслѣдованій. Въ изслѣдованіяхъ, какъ и въ актахъ, объясняются разнообразныя дѣла еврейской жизни — религіозныя, общественныя, семейныя [1]), и всѣ они объединяются тяготѣющею надъ Евреями высшею ихъ корпораціей—кагаломъ, безъ вѣдома и вліянія котораго ничто въ еврействѣ не дѣлается. Эта страшная корпорація, съ которою можетъ сравниться развѣ только корпорація іезуитская, поражаетъ наблюдателя безсердечною отчужденностію отъ интересовъ страны, отъ общечеловѣческихъ правилъ нравственности и даже отъ блага своихъ же Евреевъ, въ чемъ-либо разошедшихся съ цѣлями кагала, а цѣли эти—эксплуатировать всѣхъ и все въ свою пользу, не стѣсняясь никакими затрудненіями. „Открывая внутреннія пружины еврейскаго общественнаго строя“, говоритъ г. Брафманъ, „эти документы, какъ нельзя лучше уясняютъ, какимъ путемъ и какими средствами Евреи, при самыхъ ограниченныхъ правахъ, успѣвали вытѣснять чужой элементъ изъ городовъ и мѣстечекъ своей осѣдлости, завладѣть капиталами и недвижимымъ имуществомъ этихъ мѣстностей и освобождать ихъ отъ всякой не еврейской конкурренціи при дѣлахъ торговли и ремесленничества, какъ это случилось уже въ западныхъ губерніяхъ Россіи, Польшѣ, Галичинѣ и проч.; какими чудесами цѣлые департаменты—какъ разказываетъ Наполеонъ I въ письмѣ своемъ къ Champagny отъ 29-го ноября 1806 года—очутились въ залогѣ у Евреевъ, въ то время, когда они (Евреи) составляли самое незначительное меньшинство всего населенія имперіи (до 60.000); почему, напримѣръ, въ протестѣ противъ Евреевъ со стороны не еврейскихъ жителей Румуніи мы нынѣ слышимъ тотъ самый голосъ, который раздался между не еврейскими жителями города Вильны въ жалобѣ, поданной ими царю Алексѣю Михайловичу въ 1658 г. [2]); почему всѣ государства, то давали Евреямъ, то опять

[1]) Дѣла эти до подробностей разобраны были въ газетахъ настоящаго года, и потому мы не останавливаемся на пространномъ изложеніи ихъ.

[2]) Жители Вильны жаловались тогда Алексѣю Михайловичу, что Евреи завладѣли торговлей и домами внутри города, дѣлаютъ много беззаконій, загрязнили городъ; поэтому жители Вильны просили Алексѣя Михайловича вывести Евреевъ

отнимали у нихъ гражданскія права. И наконецъ, что̀ важнѣе всего, въ этихъ документахъ лежитъ ясный отвѣтъ на вопросъ: почему труды и капиталы, посвященные нашимъ правительствомъ дѣлу образованія Евреевъ въ продолженіи текущаго столѣтія, не увѣнчались успѣхомъ" [1]).

Всѣ эти мысли почтеннаго издателя дѣйствительно подтверждаются изданными имъ актами, но намъ кажется, что актами и изслѣдованіями г. Брафмана все еще далеко не исчерпывается вопросъ объ еврействѣ, а ждетъ онъ еще новыхъ разъясненій и новыхъ документовъ. Такъ, въ изданіи г. Брафмана, при всемъ его богатствѣ, мы не находимъ убѣдительнаго отвѣта на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ касательно еврейства, именно: почему наше правительство и другія никогда не находили при своихъ мѣропріятіяхъ, хотя бы то самыхъ благотворныхъ, поддержки въ самихъ Евреяхъ, а это все равно, какъ если бы спросить: почему въ самомъ еврействѣ не выработалось сильнаго противодѣйствія кагальной корпораціи, противодѣйствія, на которое можно было бы надежно опереться при преобразованіи еврейскихъ порядковъ и надѣяться на успѣхъ? Намъ думается, что г. Брафману не совсѣмъ легко выработать надлежащій отвѣтъ на эти вопросы, при его взглядѣ на еврейство. Г. Брафманъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ ужь отрываетъ кагальные порядки отъ талмуда, и кромѣ того, слишкомъ отдѣляетъ еврейскую аристократію, заправляющую этими порядками, отъ массы еврейскаго племени. Статьи г. Гурвича, о которыхъ мы упоминали, да и нѣкоторыя изслѣдованія самого г. Брафмана въ этомъ же изданіи, какъ то: о богослуженіи въ синагогахъ, о бракѣ, обрѣзаніи, кошерѣ и миквѣ, убѣждаютъ, что кагалъ и талмудъ — одно цѣлое. Такимъ образомъ, кто изъ Евреевъ вздумаетъ ратовать противъ кагала, тому естественно представляется, что онъ ратуетъ противъ талмуда, противъ вѣры; поэтому онъ или бросаетъ свое намѣреніе ратовать противъ кагала, или бросаетъ самое еврейство. Это одна причина, почему между Евреями нѣтъ сильной партіи, противодѣйствующей кагалу. Съ другой стороны, какъ ни тяжелы кагальные порядки для массы Евреевъ, но эта масса хорошо понимаетъ, что они же приносятъ ей и огромную пользу, если она вѣрна кагалу. Подъ защитою кагала все можно сдѣлать: это знаетъ каждый Еврей; то-есть, та страшная

за городъ, за зеленый мостъ, къ тому мѣсту, куда вывозятся городскія нечистоты.

Примѣчаніе М. Кояловича.

[1]) Предисловіе, стр. V — VI.

нравственная порча, которая выражается во всемъ устройствѣ кагала, глубоко проникла и въ массу еврейскаго народа. Оторвавшись отъ земли на всемъ свѣтѣ, народъ этотъ неизбѣжно долженъ былъ сомкнуться въ тѣсную, замкнутую корпорацію и устроить свое, особое міросозерцаніе по всѣмъ вопросамъ и сторонамъ жизни. Вотъ опять почему легче выйдти изъ еврейства, нежели, оставаясь въ немъ, бороться съ многовѣковою, всеобъемлющею системой. Однимъ словомъ, зло въ еврействѣ, по нашему мнѣнію, и глубже, и шире, чѣмъ думаетъ г. Брафманъ, и мы очень желали бы, чтобы г. Брафманъ въ слѣдующемъ томѣ или томахъ своего изданія, продолженіе котораго, какъ мы слышали, ужь обезпечено, обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла.

V.

Одинъ изъ русскихъ старожиловъ западной Россіи, г. Горбачевскій, давно уже занимается хронологіей западно-русскихъ актовъ и въ 1867 г. издалъ краткія таблицы, необходимыя для разбора и изслѣдованій западно-русскихъ и польскихъ актовъ. Сложность пріемовъ при пользованіи этими таблицами, при чемъ необходимо было каждому доискиваться требуемаго результата посредствомъ многихъ таблицъ, побудила г. Горбачевскаго упростить это дѣло, и онъ издалъ теперь Археографическій календарь, не требующій отъ пользующагося имъ никакого труда. Въ этомъ календарѣ два рода таблицъ: въ однѣхъ показаны годы и соотвѣтствующіе имъ индикты, въ другихъ по индиктамъ — всѣ подвижные и нѣкоторые неподвижные праздники и воскресные дни. Особый простой пріемъ даетъ возможность исправлять неточность въ високосныхъ годахъ. Съ 1583 г. въ таблицахъ показанія чиселъ и дней удвояются для опредѣленія Юліанскаго и Григоріанскаго счета, и показаны способы переложенія одного счета на другой. Кромѣ таблицъ, къ календарю приложены: алфавитная роспись православныхъ святыхъ, роспись святыхъ римско-католическихъ, синхронистическая таблица русссвихъ государей, польскихъ королей и литовскихъ великихъ князей, и наконецъ, литовско-польская метрологія.

Нельзя не быть благодарнымъ г. Горбачевскому за этотъ его многолѣтній и полезный трудъ, который много сбережетъ времени у изслѣдователей западно-русскихъ древностей. Но въ этой спокойной работѣ есть нѣкоторыя увлеченія системой. Такъ, между прочимъ, задавшись мыслію, что наши лѣтописцы не всегда держались Кассіодоровскаго счисленія 5508 лѣтъ отъ сотворенія міра, а считали

по болѣе древнему счету 5500 лѣтъ, почтенный авторъ прилагаетъ это начало къ нѣкоторымъ событіямъ нашей исторіи, и такимъ образомъ выходитъ, напримѣръ, что Олегъ умеръ не въ 912, а въ 920 г., или что Ольга крещена въ Константинополѣ въ 963 году, когда уже не было въ живыхъ Константина Багрянороднаго, описавшаго придворные пріемы Ольги при немъ; эти странности тѣмъ настойчивѣе приводятся авторомъ, что по его вычисленію недѣльные дни лѣтописей какъ разъ приходятся по его счету. Объ этихъ странностяхъ нельзя не жалѣть, потому что въ другихъ отношеніяхъ календарь г. Горбачевскаго долженъ быть признанъ весьма практическимъ.

Въ заключеніе нашихъ краткихъ замѣтокъ о Виленскихъ изданіяхъ считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ для разъясненія вопроса, поставленнаго въ концѣ первой главы нашей статьи, то-есть, для оцѣнки вообще направленія археографическихъ работъ въ Вильнѣ. Мы видимъ, что въ Вильнѣ въ самое короткое время появилось большое количество археографическихъ изданій, что бо́льшая часть ихъ исполнены лицами, какъ-бы случайно взявшимися за дѣло, и что всѣ эти изданія сдѣланы на счетъ правительства. Очевидное дѣло, что со стороны правительства здѣсь самое внимательное участіе къ этимъ случайнымъ трудамъ и даже какъ-бы особенное, усиленное покровительство имъ. Это дѣйствительно такъ, и покамѣсть иначе и быть не можетъ, при нынѣшнихъ ученыхъ средствахъ Вильны. Ученыя работы тамъ, дѣйствительно,— счастливая лишь случайность, за которую всегда приходится опасаться, что вотъ она изчезнетъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ Виленская археографическая коммиссія, которая при всемъ видимомъ богатствѣ въ Вильнѣ ученыхъ силъ для археографическихъ работъ, какое сказывается въ разсмотрѣнныхъ нами изданіяхъ, до сихъ поръ не можетъ устроиться надлежащимъ образомъ, и почтенному предсѣдателю которой приходится преодолѣвать чрезвычайныя затрудненія. Причина всѣхъ этихъ случайностей и затрудненій одна и та же — отсутствіе въ Вильнѣ постоянныхъ ученыхъ силъ, отсутствіе, которое постоянно будетъ продолжаться и сказываться до тѣхъ поръ, пока тамъ не будетъ учреждено высшее заведеніе историко-филологическаго характера, свѣтское или духовное.

М. Кояловичъ.